

ЛИВИЯ
НОРВЕЙН

ЦЕЛИТЕЛЬНИЦА.
Я ТЕБЕ НЕ ВЕРЮ

Ливия Норвейн

Целительница. Я тебе не верю

«Автор»

2026

Норвейн Л.

Целительница. Я тебе не верю / Л. Норвейн — «Автор», 2026

Я спасла шестерых раненых — и за это меня лишили права лечить. Два года назад, во время отступления армии, я отказалась бросить беспомощных пациентов. Обещанные повозки так и не пришли, но в рапорте офицера Конрада Веста об этом не оказалось ни слова. Я потеряла репутацию, любимую лечебницу и два года жизни. Теперь я вернулась в Ларден, чтобы восстановить свое доброе имя. Но Конрад здесь — комендант города. И он неожиданно готов признать свою вину, даже если это разрушит его карьеру. Я не собираюсь его прощать. Однако над городом нависает угроза страшного паводка, и нам снова приходится спасать людей вместе. С каждым днем мне все труднее ненавидеть мужчину, который однажды меня предал. А его прикосновения пробуждают чувства, которых я боюсь сильнее любой магии. Смогу ли я снова доверить ему свое сердце, если однажды он уже разрушил мою жизнь?

© Норвейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Возвращение	5
Глава 2. То, что он знал	20
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ливия Норвейн

Целительница. Я тебе не верю

Глава 1. Возвращение

Первое, что я увидела, когда карета выехала из-за холма, был старый городской мост.

В прежние времена он казался мне огромным. Каменные опоры поднимались над рекой, словно ноги великана, а по обе стороны проезжей части стояли двенадцать фонарей с медными колпаками. По вечерам в них зажигали голубоватый магический свет. Я любила смотреть, как он отражается в воде.

Теперь три фонаря отсутствовали. Один висел криво, еще два были заколочены досками. Сам мост уцелел.

В отличие от многих людей, которых я здесь оставила.

— Ларден, — объявил возница, хотя я и без него узнала город.

Я отодвинула занавеску шире.

За рекой теснились дома с черепичными крышами. Над ними поднималась квадратная башня ратуши, а дальше, на восточном холме, чернели стены старой крепости. На ее воротах развевалось новое знамя: белая полоса между двумя зелеными.

Мирный договор.

Его подписали чуть больше месяца назад, а я до сих пор не привыкла к мысли, что война действительно закончилась.

— Первый раз у нас? — спросила сидевшая напротив женщина.

Ее звали Марта. За два дня дороги она успела рассказать мне о своих сыновьях, невестке, неурожает яблок и совершенно невыносимом характере младшей сестры.

— Нет.

— К родным возвращаетесь?

Я посмотрела на дорожную сумку, лежавшую у моих ног.

В ней помещалась почти вся моя жизнь: три смены белья, два платья, рабочий халат, набор хирургических инструментов и жестяная коробочка с письмами.

Еще там лежала папка с документами.

Ради нее я и вернулась.

— По делу, — ответила я.

Марта понимающе кивнула.

Я была ей благодарна за то, что она не стала расспрашивать.

Карета покатила вниз, к мосту. На обочине уже встречались огороды и небольшие дома. У одного забора мальчишка пытался загнать в калитку упрямую козу. Коза, судя по всему, не разделяла его планов.

Я невольно улыбнулась.

А затем услышала треск.

Звук был коротким, сухим, похожим на удар топора по древесине.

Возница резко натянул поводья.

— Тпру!

Наша карета дернулась и остановилась.

Впереди, шагах в пятидесяти, тяжелая грузовая повозка медленно кренилась на левый бок.

Ее заднее колесо сначала наклонилось, потом отделилось от оси и покатило по дороге. Кто-то закричал.

Повозка рухнула.

На мостовую посыпались деревянные ящики. Лошади рванули вперед, натянули постромки, и одна из них упала на колени.

Я уже открывала дверцу.

— Сидите! — крикнул наш возница. — Там опасно!

Возможно.

Но мужчина, которого придавило боковым брусом, кричал так, что оставаться на месте было невозможно.

Я спрыгнула на дорогу.

Подол дорожного платья зацепился за ступеньку. Я выдернула ткань, едва не оставив на ней добрый кусок, и побежала.

Возле повозки метались трое мужчин. Один пытался поднять тяжелый брус, двое других успокаивали лошадей.

— Не трогайте его! — крикнула я.

Меня не послушали.

Пришлось подойти вплотную и повторить громче:

— Если сейчас потянете, можете усилить кровотечение. Сначала дайте посмотреть!

Мужчина в кожаном фартуке обернулся.

— А ты кто такая?

— Целительница. Где пострадавший?

Он посмотрел на меня недоверчиво, но отступил.

Я опустилась на колени возле лежавшего на боку возчика.

Лет сорока. Крепкий, широкоплечий, лицо серое от боли. Левая нога оказалась зажата под деревянной частью кузова. Чуть выше колена темнело большое кровавое пятно, быстро пропитывавшее штаны.

Плохо.

Очень плохо.

— Как вас зовут? — спросила я.

— Терен.

— Хорошо, Терен. Я Элина. Сейчас посмотрю вашу ногу. Не пытайтесь двигаться.

Он стиснул зубы.

Я быстро проверила, что именно его придавило. Брус зажал бедро, но не всей тяжестью повозки. Вытаскивать ногу без подготовки было опасно.

Кровь продолжала вытекать из глубокой раны под рваной тканью.

Я скинула сумку, достала ножницы и разрезала штанину.

— Нужны чистые полотна, — сказала я, не поднимая головы. — И две крепкие подпорки, чтобы удержать кузов, когда его приподнимут.

Никто не двинулся.

Я обернулась.

— Сейчас.

На этот раз мужчины послушались.

Ко мне подошла Марта, прижимая к груди свернутую простыню.

— Это чистая, — сказала она. — Везла дочери.

— Дочь простит.

— Надеюсь, — пробормотала женщина и опустилась рядом.

Я сложила полотно и прижала к ране там, где могла добраться под брусом. Кровь пропитывала ткань слишком быстро. Пальцы стали скользкими.

— Терен, смотрите на меня.

Он открыл глаза.

— Ногу... отрежут?

— Пока я вижу только рану. Давайте сначала остановим кровь, а потом будем решать остальные вопросы.

Он попытался рассмеяться, но вместо этого застонал.

Я положила ладонь выше повреждения и позволила магии раскрыться.

Поначалу ничего не произошло.

Так бывало всегда.

Сначала мне приходилось отстраняться от чужой боли, чтобы она не мешала сосредоточиться. Потом находить собственное внутреннее тепло, то самое, которое учителя называли целительским запасом.

Оно отозвалось под ребрами знакомой тяжестью.

Я направила силу через руку.

Под моей ладонью дрогнули поврежденные ткани. Края порванных сосудов начали сокращаться. Я чувствовала их смутно, словно узлы на веревке, которую пыталась распутать в темноте.

Рана была глубокой.

Чтобы разобраться с ней полностью, требовалось освободить ногу, осмотреть повреждение и очистить ткани. Сейчас я могла только замедлить кровопотерю.

Магия не создавала новую кровь. Если Терен потеряет слишком много, никакое заживление ему уже не поможет.

— Прижмите здесь, — велела я Марте, показывая место. — Сильно. Вот так.

Женщина побледнела, но выполнила приказ.

Я сняла ладонь.

Поток крови заметно ослаб.

Хорошо.

Теперь главное — вытащить его, не сделав хуже.

— Подпорки готовы? — спросила я.

— Сейчас принесут.

— Сколько ждать?

Мужчина в кожаном фартуке замялся.

— Пару минут.

— Значит, у вас есть пара минут, чтобы найти людей, способных поднять брус. Не толпитесь вокруг меня.

Терен шумно втянул воздух.

— Вы всегда такая злая?

— Только когда люди мешают работать.

Он слабо улыбнулся.

Я проверила пульс. Быстрый, слабый.

Слишком быстрый.

Вдали послышались копыта.

— Дорогу! — раздался мужской голос. — Освободите проезд!

Я не обернулась.

На дороге хватало желающих отдавать распоряжения. Мне нужен был тот, кто принесет подпорки.

— Здесь раненый! — крикнул один из мужчин.

— Вижу.

Шаги приблизились.

— Что требуется?

Голос был низким, ровным.

И знакомым.

Я почувствовала, как у меня похолодели пальцы.

Нет.

Только не сейчас.

— Поднять боковой брус и удержать кузов, пока мы освободим ногу, — ответила я, продолжая смотреть на пациента. — Нужны люди, подпорки и носилки. Остальные пострадавшие есть?

— Один с ушибом плеча. Второй не пострадал.

— Тогда сначала этот.

Мужчина рядом присел.

На край моего зрения попал темный форменный рукав с серебряной полосой.

— Сколько человек нужно?

— Четверо крепких. Еще двое должны поставить подпорки. Поднимать плавно, по моему сигналу.

— Сделаем.

Я все-таки подняла глаза.

Конрад Вест.

Два года назад я видела его в другой форме. На воротнике у него тогда были знаки капитана. Волосы он носил чуть длиннее, лицо было моложе, а взгляд...

Взгляд остался прежним.

Серые глаза, прямые темные брови, жесткая линия рта.

На секунду он тоже застыл.

— Элина?

Мне хотелось ударить его.

Не сильно. Достаточно, чтобы стереть с лица это удивление.

Но рядом лежал человек, которому могло не хватить нескольких минут.

— Носилки, майор, — сказала я.

Он быстро посмотрел на Терена, затем на окровавленные полотна.

— Принесите носилки! Четверо ко мне! — распорядился он через плечо. — Не подходить к брусу без команды целительницы.

Я снова занялась раной.

Не потому, что вдруг перестала его ненавидеть.

Просто кое-что в моей жизни не изменилось.

Когда передо мной лежал раненый, он был важнее всего остального.

Ногу освободили через несколько минут.

Конрад сам держал один конец бруса, пока двое солдат устанавливали подпорки. Поднимать начали по моему счету. Терен закричал, когда исчезло давление на бедро.

Я уже была готова.

Мы с Мартой прижали чистые полотна к ране. Я осторожно убрала обломки ткани и грязь, попавшие туда при падении. Затем снова пустила магию.

Она отозвалась слабее.

Я ожидала этого.

Тяжелое ранение с глубоко поврежденными сосудами требовало большого расхода сил. Первым прикосновением я остановила самое опасное кровотечение, но теперь нужно было удержать результат и закрыть рану настолько, чтобы Терена можно было довести до лечебницы.

По виску потек пот.

В груди появилась неприятная пустота.

— Элина, — произнес Конрад.

Я не ответила.

— У вас кровь из носа.

— Знаю.

Это случилось, когда я расходовала почти весь запас сразу.

Я провела рукавом под носом, не отнимая второй руки от раны.

— Перевязку, — сказала Марте. — Ту, что лежит справа.

Она подала свернутое полотно.

Еще немного.

Еще.

Под ладонью края поврежденных сосудов окончательно сошлись. Кровь перестала просачиваться так быстро. Рваные края мышц я смогла соединить лишь частично.

Дальше было опасно.

Если продолжу, сама потеряю сознание. А пациента еще нужно доставить в лечебницу.

Я убрала руку.

— Все.

Терен лежал с закрытыми глазами.

Я проверила дыхание и пульс. Он потерял много крови, но был жив. Нога оставалась сильно поврежденной, ей требовались обработка, наблюдение и долгий покой.

— Послушайте меня, — сказала я, наклоняясь к его лицу. — Сейчас вас перенесут. Ногу не стигать. Вы слышите?

Он шевельнул губами.

— Слышу.

— Хорошо. Держитесь.

Мы перевязали рану и закрепили поврежденную ногу между двумя досками. После этого солдаты осторожно переложили Терена на носилки.

Я попыталась подняться.

Мир качнулся.

Пришлось опереться на край повозки.

— Осторожно.

Конрад протянул руку.

Я отстранилась раньше, чем он успел меня коснуться.

— Не нужно.

Он убрал ладонь.

Никакой обиды на лице не появилось.

Меня это разозлило еще сильнее.

— Где ближайшая лечебница? — спросила я.

— Городская, на Мельничной улице. Я отправил туда человека.

Я кивнула.

Мельничная.

Я помнила эту улицу. Три года назад там открыла лечебницу Берта Нель. Старая, шумная, упрямая Берта, способная одной фразой приструнить даже генерала.

По крайней мере, раньше могла.

— Туда и везите, — сказала я. — И предупредите, что нужна чистая постель, перевязочные материалы, питье маленькими порциями, когда он сможет глотать без риска, и наблюдение за кровопотерей.

— Уже предупредили о тяжелом раненом. Остальное передадим.

Я посмотрела на Конрада.

Он был без головного убора. На виске виднелась небольшая седая прядь, которой раньше не было.

Почему-то именно она вывела меня из равновесия окончательно.

Время прошло.

Для него тоже.

Но ведь это ничего не меняло.

— Спасибо за помощь с повозкой, — произнесла я.

Слова дались трудно.

Он слегка наклонил голову.

— Вы спасли ему жизнь.

— Он еще не поправился.

— Я прослежу, чтобы его доставили.

— Проследите, чтобы несли осторожно.

— Прослежу.

Я подняла сумку.

Возле разбитой повозки уже собрались зеваки. Мужчина в кожаном фартуке стоял рядом с упавшей лошадью, которую наконец сумели поднять. Марта осторожно вытирала руки испорченной простыней.

Мне нужно было вернуться в карету, добраться до города и сделать вид, что эта встреча ничего не значит.

— Элина.

Я остановилась.

— Что?

— Я хотел с вами поговорить.

Я медленно повернулась.

— Два года назад у вас была такая возможность.

Он выдержал мой взгляд.

— Знаю.

— Даже несколько возможностей.

— Да.

Я почувствовала, как усталость смешивается со злостью.

Ненавижу, когда человек, которому приготовила десяток справедливых обвинений, не начинает защищаться.

Не спорит.

Не перебивает.

Просто стоит и соглашается.

— Вы сейчас комендант? — спросила я, глядя на его форму.

— Да.

— Значит, занятый человек. Не стану отвлекать.

Я отвернулась.

— Элина, я...

— Нет, майор.

Он замолчал.

Я крепче сжала ручку сумки.

— Не здесь. Не при посторонних. И не после того, как я истратила все силы на вашего раненого.

— Он гражданский, — тихо сказал Конрад.

— Тем более.

Я пошла к карете.

На этот раз он меня не остановил.

В Лардене пахло мокрым камнем, дымом и свежим хлебом.
Ничего удивительного.

Некоторые города пахнут рыбой. Другие — углем. В Эльвине, где я прожила последние два года, возле центральной площади всегда пахло красильней, и мне понадобилось три месяца, чтобы перестать морщиться каждый раз, выходя за покупками.

А Ларден пах хлебом.

Даже после войны.

Когда карета пересекла мост, мне неожиданно захотелось плакать.

Я отвернулась к окну, будто рассматривала вывески.

Ничего страшного.

Я вернулась не навсегда.

Всего на несколько недель, если все пойдет хорошо.

Подам документы. Пройду слушание. Получу решение.

Возможно, снова стану целительницей с законным правом работать самостоятельно.

А потом решу, что делать дальше.

Хороший план.

Простой.

Почти красивый.

Беда заключалась лишь в том, что я уже однажды строила планы в этом городе.

Тогда у меня были собственная лечебница, два помощника и маленький дом с кухней, где зимой постоянно промерзало окно.

Дом мне нравился.

Окно — нет.

Я собиралась его заменить.

Потом началось отступление.

И выяснилось, что жизнь можно потерять гораздо быстрее, чем успеваешь починить окно.

— Вот Мельничная, — сообщил возница.

Я расплатилась, забрала сумку и выбралась наружу.

Марта высунулась из окошка.

— Элина!

— Да?

Она протянула мне небольшой сверток.

— Пирожки. Дочь напекла в дорогу. Вы сегодня ничего не ели.

Я хотела отказаться.

Потом вспомнила, что с утра действительно съела только кусок хлеба.

— Спасибо.

— И не думайте возвращать деньги за простыню!

— Я собиралась...

— Вот именно. Не думайте.

Она улыбнулась, помахала рукой и исчезла внутри кареты.

Я осталась на тротуаре с сумкой, пирожками и совершенно неуместным ощущением, что мир все еще способен на добрые поступки.

На Мельничной улице многое изменилось.

Исчезла лавка портного, где когда-то работал пожилой господин с тремя кошками. Вместо нее открылась пекарня. У колодца появился навес, а рядом с лавкой свечника построили еще один дом.

Зато лечебница Берты осталась на прежнем месте.

Трехэтажное здание с темно-зелеными ставнями и вывеской в виде ладони.

Я остановилась перед входом.
Два года назад Берта проводила меня отсюда.
Тогда я была слишком зла, чтобы плакать.
Она вынесла мои последние вещи, сунула мне в руки дорожный узел и сказала:
«Возвращайся, когда сможешь».
Я не знала, смогу ли.
И вот теперь стояла перед ее дверью.
Поднялась по ступенькам.
Постучала.
Никто не открыл.
Я постучала еще раз.
Изнутри слышались быстрые шаги.
Дверь распахнулась.
— Если это снова кто-то из снабжения, передайте вашему начальнику, что я лично засуну
ему счет за бинты...
Берта осеклась.
Она была ниже, чем я помнила.
Или просто за два года стала чуть сутулее.
Седые волосы по-прежнему были туго собраны на затылке. На носу сидели круглые очки.
На белом переднике красовалось пятно от какой-то настойки.
Берта смотрела на меня.
Я смотрела на нее.
— Добрый день, — сказала я.
Она сняла очки.
— Ну наконец-то.
И крепко меня обняла.
Я успела поставить сумку на пол, прежде чем она прижала меня к себе с такой силой,
что у меня хрустнула спина.
— Худющая какая, — проворчала Берта. — Совсем себя не кормишь?
— Я сегодня спасала человека.
— Это не ответ.
— И привезла пирожки.
— Вот это уже лучше.
Она отстранилась и оглядела меня с головы до ног.
— Что с лицом?
— С каким?
— С твоим. Цвет как у старой простыни.
— Израсходовала запас.
Берта перестала улыбаться.
— Полностью?
— Почти.
— На кого?
Я коротко рассказала о повозке.
Когда дошла до глубокой раны бедра, она нахмурилась.
— В город везли мужчину на носилках? — спросила она.
— Терена?
— Значит, твой. Его привезли минут двадцать назад. Живой, но крови потерял много.
Я осмотрела рану. Ты хорошо сработала.
От неожиданной похвалы я смутилась.

— Я не успела закончить.

— Если бы закончила, сейчас лежала бы рядом. В этом тоже надо знать меру.

Она взяла мою сумку.

— Идем. Сначала поешь, потом обсудим твои документы.

Я вошла.

Внутри пахло мылом, травами и вареным бельем.

Все было так знакомо, что на секунду мне показалось, будто последние два года просто приснились.

У стойки регистрации сидела незнакомая девушка с темной косой. Она подняла голову и улыбнулась.

— Госпожа Нель, это ваша гостя?

— Это Элина Ренн, — сказала Берта. — С завтрашнего дня будет работать с нами.

Я остановилась.

— Берта, мы же договаривались, что сначала...

— Сначала я тебя накормлю. А работать будешь в рамках временного допуска и только под моим надзором. Я все подготовила.

— Но разрешения еще нет.

— Поэтому сегодня работать не будешь. И завтра, если не получим документ, тоже. Я не собираюсь давать совету новый повод придрататься к тебе.

Разумно.

И очень похоже на Берту.

Она провела меня через коридор, где на стенах висели чистые передники, затем открыла дверь в небольшую столовую.

На столе стоял чайник. В плетеной корзине лежал хлеб.

— Садись.

Я села.

Она разлила чай, поставила передо мной миску с густым овощным супом и придвинула корзину.

— Ешь.

Я взяла ложку.

После первых нескольких глотков поняла, насколько голодна.

Берта сидела напротив и не задавала вопросов.

Это было необычно.

Обычно вопросы у нее появлялись раньше, чем собеседник успевал снять пальто.

Я доела половину супа, прежде чем она заговорила.

— Ты его видела?

Ложка замерла в моей руке.

— Кого?

Берта посмотрела на меня поверх очков.

— Элина.

Я отложила ложку.

— Да.

— Где?

— На дороге. Он помогал освобождать раненого.

— Поговорили?

— Он хотел.

— А ты?

— Нет.

Берта кивнула.

— Правильно.
Я удивленно подняла глаза.
— Ты даже не спросишь, что он сказал?
— Что он мог сказать за пять минут возле перевернутой повозки? Ничего такого, ради чего стоило бы слушать его на пустой желудок.
Я рассмеялась.
Впервые за весь день по-настоящему.
Берта улыбнулась, но быстро посерьезнела.
— Он приходил ко мне месяц назад.
Я перестала смеяться.
— Зачем?
— Узнать, есть ли у меня твой адрес.
— Ты дала?
— Нет.
Я выдохнула.
— Спасибо.
— Сказала, что сама передам, если сочту нужным. А еще спросила, почему он вспомнил о тебе только теперь.
— И что он ответил?
Берта помолчала.
— Сказал, что вспоминал раньше. Просто ничего не делал.
Я посмотрела в чашку.
Чай был темный, почти черный.
— Очень содержательно.
— Я тоже так подумала.
— А потом?
— Потом он ушел.
Я провела пальцем по краю чашки.
Мне не хотелось об этом говорить.
Но именно ради разговоров о прошлом я приехала в Ларден.
Значит, от некоторых вопросов не получится убежать.
— Завтра я подам заявление, — сказала я. — В канцелярию комиссии.
— Я знаю.
— Они подтвердили прием?
— Да. Письмо пришло три дня назад. Первичную проверку документов назначили на пятый день после твоего приезда. Слушание позже.
Я кивнула.
Мое дело не обещали пересмотреть сразу.
Письмо, которое я получила месяц назад, было осторожным: после подписания мирного договора учредили комиссию по проверке отдельных решений военного времени. Пересматривали наказания гражданских специалистов, если возникали новые доказательства или обнаруживались нарушения процедуры.
Я подала просьбу вскоре после объявления пересмотра.
Ответ пришел только теперь.
И все-таки это был шанс.
Первый настоящий шанс за два года.
— Я принесла все, — сказала я. — Копию приказа, постановление гильдии, письмо от военного прокурора и свидетельства двух санитаров.
— Свидетельства тех, кто уехал с госпитальной колонной?

— Да.

— А обозник?

— Ян Лор до сих пор не вернулся. Его включили в список освобожденных пленных, но мне не удалось узнать, где он сейчас.

Берта медленно кивнула.

— Говорят, последняя группа должна прибыть через несколько недель. Может, будет среди них.

Я очень на это надеялась.

Ян был одним из немногих людей, которые могли подтвердить не только то, что я осталась с ранеными, но и причину.

В тот день я просила транспорт.

Дважды.

Мне обещали повозки.

Ни одна не приехала.

Впоследствии выяснилось, что обоз отправили за артиллерийскими орудиями.

Но приказ о перераспределении транспорта исчез из материалов моего дела.

А Конрад Вест написал рапорт, в котором осталось только одно:

Целительница Элина Ренн отказалась выполнить приказ об эвакуации госпиталя.

Этих слов оказалось достаточно.

Я продала лечебницу, чтобы заплатить штраф и расплатиться с людьми, которым задолжала. Потом уехала в Эльвин, где почти два года работала помощницей без права самостоятельного магического лечения.

И каждый раз, когда меня спрашивали, почему я, опытная целительница, не принимаю пациентов сама, мне приходилось выбирать между правдой и удобной ложью.

Чаще я выбирала молчание.

— Они должны были поверить мне, — тихо произнесла я.

Берта не ответила сразу.

— Да, — сказала она наконец. — Должны были.

Я потеряла лицо ладонями.

— Прости. Не хотела возвращаться и сразу начинать жаловаться.

— Элина, ты не жалуешься.

— А что я делаю?

— Наконец рассказываешь, как все было.

Я посмотрела на нее.

Берта протянула руку и ненадолго накрыла мои пальцы своими.

— Доедай суп. Потом покажу комнату.

Комната находилась на третьем этаже.

Небольшая, с низким потолком и единственным окном, выходившим во внутренний двор. У стены стояла узкая кровать, рядом — стол, стул и шкаф с дверцей, которая немного перекосилась.

На подоконнике росла герань.

Розовая.

Я ненавидела розовую герань.

Берта об этом знала.

— Ты ведь специально, — сказала я.

Она посмотрела на цветок.

— Конечно.

— За что?

— Чтобы тебе было с кем спорить по утрам.

Я улыбнулась.

Берта поставила сумку возле кровати.

— Плата за комнату прежняя, как договаривались в письме. Питание входит. Когда получишь временный допуск, начнешь помогать в лечебнице, и мы оформим жалованье отдельно.

— Ты уверена, что можешь себе это позволить?

— Я двадцать семь лет держу лечебницу, девочка. Думаешь, до сих пор не научилась считать деньги?

Я подняла руки.

— Больше не спрашиваю.

— Вот и прекрасно.

Она направилась к двери, но остановилась.

— И еще.

Я повернулась.

— Что?

— Я рада, что ты вернулась.

Мне пришлось сделать вид, что очень заинтересовалась геранью.

— Я тоже, — сказала я.

Она вышла.

Я осталась одна.

За окном кто-то ругался с поставщиком угля. Во дворе скрипела водяная помпа. Из нижнего этажа доносились шаги и приглушенные голоса.

Обычная жизнь.

Та самая, по которой я скучала.

Я открыла сумку, достала документы и аккуратно разложила их на столе.

Сверху легло постановление о лишении профессионального допуска.

Бумага пожелтела по краям.

Я знала каждую строчку.

«За нарушение порядка эвакуации, повлекшее угрозу жизни и здоровью личного состава...»

Ложь.

Не вся.

Я действительно не выполнила приказ.

Но причина имела значение.

Шестеро раненых не могли идти.

Трое были без сознания, у одного после тяжелого перелома началось воспаление, еще двое потеряли слишком много крови. Мы перенесли их в каменный подвал госпиталя, потому что обстрел приближался.

Я отправила санитаров искать транспорт.

Мне пообещали повозки.

Я ждала.

До вечера.

А потом пришлось решать, бросить людей или остаться с ними.

Я осталась.

Ночью противник занял часть города.

На следующее утро нас взяли в плен.

Через четыре дня, когда войска отбили квартал, все шестеро моих пациентов были живы.

Но возвращение домой не стало победой.

Меня вызвали на разбирательство.

Свидетели говорили о приказе отступить. Офицеры утверждали, что транспорт был выделен. Санитары к тому времени разъехались по разным частям.

А Конрад Вест...

Он стоял возле стола комиссии и читал свой рапорт.

Ровным голосом.

Не глядя на меня.

Я провела большим пальцем по краю листа.

Потом перевернула постановление чистой стороной вверх.

Хватит.

Сегодня я уже встретила его.

Больше мне не хотелось возвращаться в прошлое.

Я убрала бумаги в папку и поставила сумку в шкаф.

До вечера оставалось несколько часов. После тяжелого лечения стоило поспать.

Но сон не шел.

Стоило закрыть глаза, я снова слышала:

«Я хотел с вами поговорить».

Два года.

Семьсот с лишним дней.

И теперь он хотел поговорить.

Я села на кровати и раздраженно поправила подушку.

Возможно, мне следовало выслушать его.

Нет.

Не сегодня.

И уж точно не тогда, когда рядом лежал истекающий кровью человек.

Снизу послышался звонок.

Потом быстрые шаги.

Я прислушалась.

— Госпожа Нель! — донесся голос незнакомой девушки. — К вам пришли!

— Кто еще?!

— Из комендатуры!

Я замерла.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом раздался голос Берты:

— Элина отдыхает.

— Нам велено передать письмо лично.

Я встала.

Разумеется.

Оставить меня в покое хотя бы до завтра было бы слишком просто.

Я открыла дверь и вышла на лестницу.

В приемной стоял молодой солдат.

Совсем молодой. Ему едва ли исполнилось двадцать.

Он держал в руках запечатанный конверт и выглядел так, будто отправили его не с письмом, а на бой с драконом.

Берта возвышалась перед ним, сложив руки на груди.

— Я еще раз повторяю: госпожа Ренн сегодня не принимает посетителей.

— Мне приказано передать письмо...

— Тогда передайте его мне.

— Лично, госпожа.

Я спустилась на несколько ступенек.

— Я здесь.

Солдат выпрямился.

— Госпожа Ренн?

— Да.

Он протянул конверт.

— От коменданта Лардена.

Я взяла письмо.

На восковой печати был изображен городской герб.

Ни личного знака, ни украшений.

Официальное письмо.

Это немного успокаивало.

И одновременно раздражало.

— Ответ требуется? — спросила я.

— Нет, госпожа.

— Тогда вы свободны.

Солдат явно испытал облегчение.

Он отсалютовал, попрощался с Бертой и почти выбежал наружу.

Мы остались вдвоем.

Берта посмотрела на конверт.

— Откроешь?

— Придется.

Я сломала печать.

Внутри лежал один лист, исписанный аккуратным, слишком знакомым почерком.

Я прочитала.

Потом еще раз.

Берта терпеливо ждала.

Наконец я протянула письмо ей.

— Что думаешь?

Она надела очки.

Письмо было коротким.

«Госпожа Ренн.

Сегодняшняя встреча не дала возможности обсудить обстоятельства вашего дела. Я понимаю, что вы не обязаны разговаривать со мной лично.

Однако я располагаю сведениями, которые относятся к вашему обвинению и не вошли в материалы прежнего разбирательства.

Если вы согласитесь, предлагаю встретиться завтра в присутствии выбранного вами свидетеля. Место и время также оставляю на ваше усмотрение.

Конрад Вест».

Берта дочитала.

— Мог бы сразу написать, что именно знает.

— Мог бы.

— Хочешь, чтобы я ему ответила?

Я забрала письмо.

— Нет.

— Элина...

— Я сама.

Берта помолчала.

— Ты не обязана соглашаться.

— Знаю.

Я еще раз посмотрела на строки.

«Сведения, которые не вошли в материалы прежнего разбирательства».

Он прекрасно знал, какие именно сведения там отсутствовали.

И должен был знать это два года назад.

Если у него были доказательства, почему он не передал их комиссии еще тогда?

Я не собиралась принимать его объяснения на веру.

Но если он действительно располагал чем-то полезным, отказываться только из злости было бы глупо.

За два года злость не принесла мне ни одного документа.

— У тебя завтра свободен час после обеда? — спросила я Берту.

Она прищурилась.

— Для чего?

— Побывать свидетелем.

— Свободен.

— Ты даже расписание не посмотрела.

— Если понадобится, освобожу.

Я кивнула.

— Тогда встреча будет здесь. В столовой. В три часа.

— Чай ему предложить?

Я задумалась.

— Самый плохой.

Берта довольно улыбнулась.

— У меня есть один. Уже пять лет никто не хочет его пить.

— Прекрасно.

Она рассмеялась.

И я вместе с ней.

Но когда поднялась обратно в комнату, смех быстро прошел.

Я положила письмо на стол.

Рядом лежала папка с моим делом.

Два года назад один рапорт Конрада Веста изменил мою жизнь.

Завтра я собиралась услышать от него, почему он тогда написал именно эти слова.

И на этот раз не позволю ему обойти ни один вопрос.

Глава 2. То, что он знал

— Тогда начнем с самого начала, — повторила я. — И на этот раз, Конрад, я хочу услышать все.

Он молчал несколько секунд.

Я не торопила.

Два года назад я не получила возможности задать ему ни одного вопроса. Теперь у нас было достаточно времени.

Конрад открыл кожаную папку и вынул несколько листов. Один положил перед собой, остальные оставил внутри.

— В день отступления, около полудня, я получил донесение от госпитальной службы, — начал он. — Шестерых раненых невозможно было перевозить без носилок. Для них требовались отдельные повозки.

— Я лично составляла эту заявку.

— Знаю.

— Откуда?

— На ней стояло ваше имя.

Я посмотрела на его руки.

Сильные пальцы лежали на краях бумаги. На правой кисти виднелся старый шрам, пересекавший костяшки.

Я помнила этот шрам.

Во время войны Конрад однажды пришел ко мне с рассеченной рукой и отказался от магического лечения. Сказал, что в госпитале найдутся люди, которым моя сила нужнее.

Тогда я решила, что передо мной порядочный человек.

Как мало, оказывается, нужно, чтобы ошибиться.

— Что произошло с повозками? — спросила я.

— Первоначально госпиталю выделили шесть. Четыре перенаправили на вывоз артиллерийских орудий. Оставшиеся две должны были прийти к вам после перевозки перевязочных материалов.

— Но не пришли.

— Нет.

— Почему?

— Северную дорогу перекрыли. Обоз задержался у старых укреплений. После этого командование приказало всем свободным повозкам отступить к восточному мосту.

— И об этом мне тоже никто не сообщил.

— Нет.

Я сделала первую запись.

Берта сидела рядом, сложив руки на коленях. Обычно она не могла молчать дольше нескольких минут, но сейчас только внимательно слушала.

— Кто принял решение забрать госпитальный транспорт? — спросила я.

— Приказ поступил из штаба тылового снабжения.

— Фамилия.

Конрад назвал офицера.

Я записала.

— Вы участвовали в принятии решения?

— Нет. Но я получил копию приказа и знал о его исполнении.

— Значит, понимали, что мои больные остались без транспорта.

— Да.

— И что я не смогу выполнить приказ об эвакуации.

— Я понимал, что выполнить его будет крайне трудно.

Я подняла глаза.

— Не надо, Конрад.

Он замолчал.

— Не надо подбирать слова так, чтобы ваши действия выглядели немного лучше. У меня было шесть человек на носилках. Двое санитаров, которые едва держались на ногах. И ни одной повозки. Как именно я должна была их эвакуировать?

— Никак, — ответил он.

Я выдержала паузу.

— Вот это и запишем.

Конрад медленно кивнул.

Я поставила точку.

В столовой потрескивали поленья. За окном капала вода с крыши, и каждая капля почему-то казалась мне оглушительно громкой.

— Почему вы не сообщили об этом комиссии? — спросила я.

Он посмотрел на лежавший перед ним лист.

— Потому что тогда пришлось бы признать, что я знал о положении госпиталя и не добился отправки транспорта.

— Но вы действительно этого не добились.

— Да.

— В чем была проблема признать правду?

Конрад потер большим пальцем край бумаги.

— Я боялся последствий.

Слова прозвучали негромко.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять их.

— Последствий для кого?

— Для себя.

Берта шумно поставила чашку на блюдце.

Я даже не посмотрела на нее.

— Продолжайте.

— После отступления начали искать виновных в потере госпитального имущества и пленении медицинского персонала. Мне приказали составить рапорт. Я указал, что вы отказались выполнить приказ об эвакуации.

— Хотя знали причину.

— Да.

— Потому что иначе пришлось бы объяснять действия снабжения?

— И мои собственные.

Я откинулась на спинку стула.

В последние два года я представляла десятки объяснений.

Думала, что Конрад получил ложные сведения. Что кто-то подменил документы. Что он просто не знал, в каком положении мы оказались.

Иногда мне даже хотелось поверить, что он действовал по приказу, которого не мог нарушить.

Но правда оказалась гораздо проще.

Он испугался.

А расплачиваться пришлось мне.

— Вы понимаете, — медленно произнесла я, — что могли сказать это на первом заседании?

— Да.
— Или на втором, когда мне назначили штраф?
— Да.
— Или после того, как гильдия лишила меня допуска?
Конрад не отвел взгляда.
— Мог.
— Но не сделали.
— Нет.
Я засмеялась.
Коротко, совершенно безрадостно.
— Замечательно.
Берта положила передо мной чистый лист.
— Элина, если хочешь, сделаем перерыв.
— Нет. Я еще не закончила.
Она кивнула.
Я снова повернулась к Конраду.
— Когда комиссия вынесла решение, вы присутствовали?
— Да.
— Вы слышали, какую сумму штрафа мне назначили?
— Слышал.
— Знали, что я продала лечебницу?
Он на мгновение опустил глаза.
— Узнал позже.
— Насколько позже?
— Через две недели.
Я почувствовала, как внутри поднимается горячая волна.
— Через две недели, — повторила я. — И ничего не сделали?
— Нет.
— Почему?
Он не ответил сразу.
Я уже собиралась повторить вопрос, когда Конрад произнес:
— Потому что к тому времени я слишком далеко зашел.
— Что это значит?
— Чтобы исправить рапорт, мне пришлось бы признать, что я сознательно скрыл обстоятельства. Наказание грозило уже мне. Я решил промолчать.
Вот теперь я поверила ему.
Не потому, что его слова звучали благородно.
Как раз наоборот.
В них не было ничего, чем можно было бы гордиться.
— Значит, вы позволили мне уехать с обвинением, — сказала я, — чтобы сохранить должность.
— Да.
Берта резко поднялась.
— Я сейчас открою окно.
Мы оба посмотрели на нее.
Она направилась к окну, с силой повернула задвижку и распахнула створку.
В комнату ворвался холодный воздух.
— Душно, — объяснила Берта.

Судя по ее лицу, открыть окно было самым безопасным из нескольких возможных решений.

Я понимала ее.

Мне самой хотелось схватить тяжелый чайник и запустить его в стену.

Впрочем, чайник был хорошим.

Жалко.

— Когда вы решили заговорить? — спросила я.

Конрад посмотрел на меня.

— После объявления пересмотра военных дел.

— То есть около месяца назад?

— Позже. Когда стали известны правила подачи дополнительных свидетельств.

— И все это время вы готовились?

— Нет.

Он произнес это спокойно, но на лице проступило напряжение.

— Сначала я снова откладывал решение. Потом узнал, что вы подали заявление. И понял, что если промолчу и теперь, то повторю то же самое.

Я закрыла глаза.

На мгновение мне показалось, что я снова стою перед военной комиссией.

На мне старое серое платье. Под манжетами спрятаны следы от веревок. Напротив сидят трое офицеров.

Один спрашивает:

«Вы признаете, что отказались исполнить приказ?»

Я отвечаю:

«Я не могла оставить раненых».

Офицер повторяет вопрос.

И я снова отвечаю.

Тогда мне казалось, что достаточно объяснить.

Что разумные люди поймут.

Но они уже получили бумагу, в которой моя история выглядела совсем иначе.

Я открыла глаза.

— У вас сохранились документы?

Конрад подвинул ко мне первый лист.

— Копия записи из журнала дежурной смены. Здесь отмечено получение вашего запроса на транспорт.

Я взяла бумагу.

Почерк был мелким, но разборчивым.

День отступления.

Время.

Фамилия дежурного.

«Дополнительный транспорт для госпиталя. Шесть лежащих. Повторная заявка».

Я прочитала запись дважды.

— Где оригинал?

— В архиве военного ведомства.

— Копия заверена?

— Нет. Это выписка, которую я сделал для себя.

Я положила лист на стол.

— Тогда сама по себе она ничего не доказывает.

— Понимаю.

— Нужен оригинал или заверенная копия.

— Я подам запрос.

— Комиссия должна получить документ официально.

— Да.

Я посмотрела на остальные бумаги.

— Что еще?

Конрад достал лист с перечнем перевозок.

— Здесь номера четырех повозок, которые перенаправили из госпитального обоза. И отметка о том, что оставшиеся две не вернулись на назначенный маршрут.

Я сверила время.

Все совпадало с тем, что я помнила.

Мы ждали транспорт до темноты.

Я отправляла санитаров на перекресток, где повозки должны были свернуть к госпиталю.

Каждый раз они возвращались ни с чем.

Потом начался обстрел, и пришлось переносить раненых в подвал.

Я провела пальцем вдоль строки.

— Почему этих документов не было на первом разбирательстве?

— Комиссия запрашивала только рапорты об исполнении приказа на эвакуацию. Перевозки рассматривались отдельно.

— А вы не сказали, что эти записи необходимы.

— Не сказал.

Я отложила лист.

Впервые за разговор мне стало не столько больно, сколько ясно.

Это было странное ощущение.

Два года моя история существовала в чужом решении, где из нее вырезали самое важное.

Теперь недостающие обстоятельства начали возвращаться на место.

Они еще не оправдывали меня официально.

Но у них были даты, фамилии, номера документов.

То, чего мне не хватало.

— Вы передадите эти сведения комиссии? — спросила я.

— Да.

— Без просьбы о конфиденциальности?

— Да.

— И укажете, что знали обо всем до составления рапорта?

Конрад кивнул.

— Укажу.

Я взяла карандаш.

— Тогда хочу уточнить еще одно.

Он приготовился слушать.

— Вы пытались добиться транспорта для госпиталя после получения моего запроса?

— Я передал требование дежурному офицеру снабжения.

— Лично?

— Через связного. Позже проверил, что сообщение получено.

— И все?

Конрад медленно выдохнул.

— Да.

— Вы могли обратиться к командованию повторно?

— Мог.

— Но не сделали.

— Нет.

Я сделала отметку.
Он не остановил меня.
И не попытался объяснить, что в тот день все были заняты.
Хотя это было правдой.
Я помнила хаос отступления. Разорванные приказы, брошенные телеги, перепуганных людей, офицеров, которые сами не знали, куда перемещаются их части.
У Конрада наверняка были собственные обязанности.
Но от этого шестерым раненым не становилось легче добраться до безопасного места.
— Почему вы не пришли в госпиталь? — спросила я.
Он нахмурился.
— Когда?
— После освобождения. Вы приходили один раз, спрашивали о транспортных заявках.
Я все рассказала. Вы пообещали разобраться. А потом исчезли.
Конрад опустил взгляд на чашку.
— Тогда я уже знал, что придется писать рапорт. И боялся разговора, в котором вы попросите меня подтвердить ваши слова.
Я медленно положила карандаш.
Почему-то именно это признание оказалось тяжелее остальных.
Я столько раз вспоминала нашу последнюю встречу в госпитале.
Его сдержанное лицо.
Обещание помочь.
И собственное облегчение от того, что наконец нашелся человек, который разберется.
А он уже тогда искал способ промолчать.
— Я ведь вам верила, — сказала я.
Конрад поднял голову.
— Знаю.
— Нет. Вы этого не знаете.
Он ничего не ответил.
Я сложила бумаги.
— На сегодня достаточно.
— Элина...
— Вы обещали предоставить документы. Теперь выполняйте обещание.
Конрад встал.
Берта закрыла окно и подошла к столу.
— Я провожу гостя.
Он задержался.
— Я должен перед вами извиниться.
Я подняла на него глаза.
— Должны.
Он словно ожидал продолжения.
Но я молчала.
Наконец он произнес:
— Я поступил трусливо. И позволил наказать вас за то, за что вы не должны были отвечать. Мне очень жаль.
Я смотрела на него.
Раньше я думала, что, услышав извинение, почувствую хоть что-нибудь похожее на удовлетворение.
Но оно не вернуло мне два года.
Не вернуло лечебницу.

Не стерло взгляд людей, которые отказывались доверить мне своих больных.
— Я услышала вас, — сказала я. — Пока это все.

Конрад кивнул.

Забрал папку, оставив мне выписки, и направился к двери.

Когда за ним закрылась входная дверь, Берта вернулась в столовую.

Она посмотрела на три чашки.

Потом на меня.

— Ну что, — сказала она, — чай он выпил.

Я неожиданно рассмеялась.

Смех получился коротким и каким-то чужим.

Берта села рядом.

— Хочешь поговорить?

Я покачала головой.

— Пока нет.

Она не стала настаивать.

Только придвинула ко мне блюдо с печеньем.

Я взяла одно.

Откусила.

И вдруг поняла, что оно совершенно безвкусное.

На следующий день я проснулась поздно.

Солнце уже поднялось над крышами. Из коридора доносились голоса и запах свежего хлеба.

Я лежала на спине и смотрела в потолок.

Всю ночь мне снилась прежняя лечебница.

Не госпиталь.

Не плен.

Моя собственная маленькая лечебница на Садовой улице.

Во сне я открывала шкафчики, проверяла травы, раскладывала инструменты. За дверью ждали пациенты, а на столе стояла чашка чая, которую я никак не успевала выпить.

Потом приходил незнакомый человек и говорил, что помещение больше мне не принадлежит.

Я просыпалась.

Засыпала снова.

И все повторялось.

Утром мне хотелось только одного — не вставать.

Но внизу работала Берта.

И я приехала не для того, чтобы прятаться в комнате.

Я умылась, убрала постель и спустилась.

В приемной былолюдно.

На скамье сидели две женщины с детьми, пожилой мужчина держал руку, обмотанную платком, а возле стойки регистрации спорили о том, кто пришел первым.

Лисса стояла за столом и пыталась одновременно записывать фамилии и успокаивать пациентов.

Увидев меня, она облегченно улыбнулась.

— Госпожа Ренн! Доброе утро.

— Доброе. Чем помочь?

— Если вы умеете разбирать почерк госпожи Нель, я готова отдать вам половину своего жалованья.

Я посмотрела на лежавший перед ней лист.

Берта действительно писала так, словно каждую букву ей приходилось ловить в полете.

— Здесь написано «настой подорожника», — сказала я.

— Я прочитала «настрой подозрительного».

— Тоже полезное средство. Особенно для наших пациентов.

Лисса прыснула.

Соседняя женщина неодобрительно покосилась на нас.

Я забрала список.

— Показывайте остальное.

Через десять минут мне удалось разобрать назначения. Я переписала их аккуратно и разделила по палатам.

Лисса наблюдала за мной с нескрываемым интересом.

— Вы действительно раньше держали собственную лечебницу?

— Держала.

— Большую?

— Нет. Две комнаты для приема, перевязочная и маленькая палата на четыре кровати.

— А помощники были?

— Двое.

— Наверное, ужасно трудно.

Я задумалась.

— Иногда. Особенно когда приходилось выбирать между покупкой лекарств и починкой крыши.

— И что выбирали?

— Лекарства.

— А крыша?

— Продолжала протекать.

Лисса рассмеялась.

Мне понравилось, как она смеялась: открыто, без попытки прикрыть рот ладонью.

— Я бы тоже хотела когда-нибудь работать в собственной лечебнице, — призналась она.

— А почему не работаешь?

— Потому что у меня пока нет ни лечебницы, ни денег, ни допуска.

— Веские причины.

— Вот именно.

Мы улыбнулись друг другу.

Из процедурной вышла Берта.

— Элина! Ты уже здесь?

— Помогаю с записями.

— Прекрасно. Только без самостоятельного лечения. Пока комиссия не разрешила, твои руки сегодня принадлежат исключительно бумаге и бинтам.

— Я помню.

— И не вздумай тайком кого-нибудь вылечить.

— Берта!

— Что?

— Я взрослая женщина.

— Именно поэтому должна понимать, что второй раз вытаскивать тебя из неприятностей мне не хочется.

Лисса благоразумно опустила голову.

Я покачала своей.

— Есть еще поручения?

— Отнеси чистые повязки в третью палату. И проверь, сколько осталось обычных обезболивающих настоек.

Я взяла корзину.

В третьей палате лежали четверо пациентов.

У одного была сломана рука. Другой восстанавливался после тяжелой простуды. Двое пожилых мужчин страдали от старых ран, которые в сырую погоду снова начинали болеть.

Я поставила корзину на стол и начала пересчитывать повязки.

— Ренн?

Я обернулась.

На ближайшей кровати сидел седой мужчина с перевязанной ногой.

Он смотрел на меня прищурившись.

— Элина Ренн?

— Да.

— А я думаю, где вас видел.

Его лицо показалось знакомым.

Широкий нос, глубокая складка между бровями.

Я вспомнила.

— Господин Варек?

— Он самый.

Когда-то он работал каменщиком. Два года назад приходил ко мне с поврежденным плечом.

Я даже помнила, как он ругался на магию, уверяя, что обычный компресс ничуть не хуже.

— Как ваше плечо? — спросила я.

Он пошевелил правой рукой.

— Работает. А вот нога подводит.

— Что случилось?

— Упал с лестницы. Старый дурак.

— По крайней мере, диагноз вы уже поставили.

Мужчина хмыкнул.

Я улыбнулась.

Он несколько секунд смотрел на меня, а потом спросил:

— Правда, что вас тогда наказали из-за раненых?

Улыбка исчезла.

— Да.

— Говорили, вы отказались уходить, когда велели.

— Я не могла перевезти лежачих пациентов без повозок.

Варек нахмурился.

— А мне рассказывали, будто вы из упрямства остались. И всех из-за этого в плен взяли.

Я почувствовала, как неприятно сжалось горло.

— Мне действительно приказали уходить. Но раненых нельзя было оставить одних.

— Так и бросили бы их? — неожиданно спросил он.

Я посмотрела на него.

— Вы бы хотели, чтобы целительница так поступила с вами?

Мужчина почесал подбородок.

— Нет, конечно.

— Вот и я не хотела.

Он помолчал.

— Ну, значит, рассказывали неправильно.

Я не нашлась что ответить.

Варек снова посмотрел на мою корзину.

— А лечить меня будете?

— Пока не имею права на самостоятельную практику. Но госпожа Нель прекрасно справляется.

— Это точно. Так ворчит, что кость сама на место встанет, лишь бы сбежать.

Из соседней палаты донесся голос Берты:

— Я все слышу, Варек!

Он расхохотался.

Я тоже улыбнулась.

Но когда вышла в коридор, улыбка быстро исчезла.

«Говорили, будто вы из упрямства остались».

Вот так просто.

Кто-то однажды произнес неправду.

Другой повторил.

Третий добавил подробности.

А через два года люди уже не помнили, с чего все началось.

Они знали только, что целительницу Ренн наказали.

Значит, было за что.

Я остановилась у окна.

На улице мальчик тащил за веревку деревянную тележку, доверху нагруженную хворостом. Позади шла его мать и придерживала плохо закрепленные поленья.

Обычная жизнь.

Мне хотелось вернуться в нее.

Не стать знаменитой.

Не заставить весь город извиняться.

Просто снова работать, платить по счетам, ругаться из-за протекающей крыши и иногда позволять себе вечер без пациентов.

Но для этого предстояло сначала разобраться с прошлым.

— Элина?

Я обернулась.

Берта стояла в дверях процедурной.

— У нас маленькая проблема.

— Какая?

— Мать привела мальчика с порезом на пальце. Рана неглубокая, но ребенок перепуган. Ты можешь помочь мне удержать его внимание, пока я наложу повязку?

— Конечно.

— Только никаких чудес.

— Я слышала.

Мальчику было лет семь.

Он сидел на высокой табуретке и прижимал к груди руку. Крови было немного, но вид собственной раны явно убедил его, что жить осталось недолго.

— Мне палец отрежут? — спросил он, когда я вошла.

— Пока никто не предлагал.

— А если он отвалится?

— Тогда придется искать. Но сначала давай посмотрим, насколько он крепко держится.

Мальчик подозрительно посмотрел на меня.

— Вы шутите?

— Немного.

Берта закатила глаза.

— Элина, не пугай ребенка.

— Я пытаюсь его отвлечь.

— Очень своеобразно.

Мальчик неожиданно засмеялся.

Палец ему обработали и перевязали без всякой магии. Я рассказывала о том, как однажды пыталась вылечить упрямую козу, которая вместо благодарности укусила меня за рукав.

Это была чистая правда.

Коза принадлежала моей бывшей соседке и отличалась крайне неприятным характером.

Когда мальчик уходил, он уже улыбался.

Его мать поблагодарила Берту и меня.

А я вдруг почувствовала себя счастливой.

Совсем ненадолго.

Но этого оказалось достаточно, чтобы день перестал казаться потерянным.

На четвертый день после возвращения я отправилась в городской совет.

Мне требовались сведения о возвращении военнопленных и порядке получения старых документов.

Здание совета почти не изменилось.

Все те же тяжелые двери, каменная лестница и длинный коридор, по которому постоянно бегали посыльные с кипами бумаг.

На втором этаже находилась приемная по делам вернувшихся граждан.

За столом сидела женщина средних лет с уставшими глазами. Она перебирала карточки, время от времени сверяясь с большим списком.

— Добрый день, — сказала я. — Мне нужно узнать о человеке, который числится среди освобожденных пленных.

— Фамилия?

— Лор. Ян Лор.

Женщина открыла книгу.

— Военный или гражданский?

— Гражданский обозник. Во время отступления работал при госпитале.

Она провела пальцем по строкам.

— Лор... Лор...

Я невольно наклонилась ближе.

— Есть, — сказала она наконец. — Ян Лор. Сорок один год. Последнее место жительства — Ларден.

У меня перехватило дыхание.

— Он жив?

Женщина подняла глаза.

— В списке освобожденных. Отметка о передаче на нашу сторону границы имеется.

Я с облегчением опустила на свободный стул.

Жив.

Ян жив.

Последний раз я видела его в день отступления.

Он прибежал в госпиталь, весь покрытый пылью, и сообщил, что обещанные повозки так и не появились.

Я отправила его обратно, попросила найти дежурного офицера.

Через час начался обстрел.

Ян не вернулся.

Потом мне сообщили, что часть обозников попала в плен.

Все эти годы я не знала, что с ним стало.

— Когда он прибудет? — спросила я.

— Точной даты нет. Его группа проходит проверку документов и медицинский осмотр после освобождения. Последнее уведомление указывает, что их направят сюда не раньше чем через четыре недели.

Четыре недели.

Много.

Но теперь я хотя бы знала, что ждать есть кого.

— Можно отправить ему письмо?

— Через канцелярию. Доставку не гарантируем. Пока группа не прибыла в распределительный пункт, письма могут задерживаться.

— Я напишу.

Женщина протянула мне чистый лист и объяснила, как указать адрес.

Я поблагодарила ее.

На бумаге получилось всего несколько строк.

«Ян, это Элина Ренн.

Я вернулась в Ларден и добиваюсь пересмотра решения по нашему госпиталю. Очень рада, что ты жив.

Если будешь готов, мне понадобится твое свидетельство о транспорте в день отступления.

Не считай себя обязанным отвечать немедленно. Главное — доберись домой.

Элина».

Я перечитала письмо.

И добавила:

«Берта тоже ждет тебя».

Потому что знала: он ее помнил.

Женщина приняла конверт, зарегистрировала и положила в отдельную стопку.

— Что-то еще?

— Да. Мне нужно узнать, как запросить городские и военные документы двухлетней давности.

Она указала на соседний кабинет.

— По городским бумагам помогут там. Военные архивы — через комиссию или само ведомство.

Я поблагодарила ее и пошла дальше.

В архивном отделе мне выдали бланк.

Потребовалось перечислить, какие документы могут иметь отношение к моему делу.

Я написала все, что помнила: записи о госпитальном транспорте, распоряжения о выделении повозок, уведомления о повреждении северной дороги.

Копию заявления оставила себе.

Секретарь предупредил, что ответы могут идти неделями.

Я уже собиралась уходить, когда он окликнул меня:

— Госпожа Ренн, подождите.

Я обернулась.

— Вы ведь та самая целительница?

Я устало вздохнула.

— Какая именно?

Он смутился.

— Простите. Я хотел сказать... Моя сестра работала санитаркой в южном госпитале. Она рассказывала о вас.

— Надеюсь, что-нибудь хорошее.

— Говорила, вы однажды заставили трех офицеров разгружать телегу с бельем, потому что санитары не справлялись.

Я рассмеялась.

— Было дело.

— Она до сих пор вспоминает.

Он улыбнулся.

— Удачи вам с документами.

Я вышла из кабинета с неожиданным ощущением тепла.

Не все меня помнили по обвинению.

Кто-то все еще помнил и другую Элину Ренн.

Ту, которая работала.

Смеялась.

Ругалась.

Жила.

И ради этой женщины стоило довести дело до конца.

Первичная проверка документов состоялась на пятый день.

На этот раз я пришла в комиссию раньше назначенного времени.

В приемной было холодно. У окна стояла железная печка, но ее, видимо, топили только тогда, когда кому-нибудь удавалось убедить город выделить уголь.

Кроме меня ждали еще четверо.

Пожилой мужчина с деревянной ногой.

Женщина в траурном платье.

Молодой солдат, у которого заметно дрожали руки.

И худой господин с папкой размером почти с дорожный чемодан.

Никто не разговаривал.

Я смотрела на свои документы и пыталась успокоиться.

Вчера вечером Берта трижды проверила их вместе со мной.

Копии.

Оригиналы.

Письма.

Свидетельства.

Все лежало в нужном порядке.

И все равно я боялась, что чего-то не хватит.

— Госпожа Ренн?

Я поднялась.

Секретарь пригласил меня в небольшую комнату.

За столом сидели двое служащих комиссии. Один проверял бумаги, второй вел запись.

Женщина с короткими седыми волосами указала мне на стул.

— Элина Ренн?

— Да.

— Мы проводим предварительную проверку вашего заявления. Сегодня решение по существу дела не принимается. Нам необходимо установить, какие материалы имеются и какие следует запросить дополнительно.

Я кивнула.

— Понимаю.

Она открыла папку.

— Вы оспариваете наказание за отказ исполнить приказ об эвакуации госпиталя?

— Да. Приказ существовал, но выполнить его в отношении шести лежащих раненых без транспорта было невозможно.

— Вы утверждали это и на первоначальном разбирательстве?

— Да.

Женщина сделала отметку.

— В материалах указано, что транспорт госпиталю был выделен.

Я достала подготовленную выписку.

— Выделен, но не доставлен. Четыре повозки перенаправили для перевозки орудий. Оставшиеся две не прибыли.

Служащая взяла лист.

— Это подтвержденный документ?

— Пока нет. У меня есть только незаверенная выписка из журнала дежурной смены.

— Кто ее предоставил?

Я задержала дыхание.

— Майор Конрад Вест.

Перья на секунду остановились.

Женщина подняла голову.

— Офицер, составлявший первоначальный рапорт?

— Да.

— Интересно.

Она передала лист коллеге.

— От него поступило уведомление о намерении дать дополнительные показания. Но самого заявления пока нет.

— Я знаю.

— Вы разговаривали с ним?

— Да.

— Он подтвердил обстоятельства, изложенные в вашем заявлении?

— Подтвердил. При свидетеле.

— Кто присутствовал?

— Госпожа Берта Нель, владелица городской лечебницы.

Служащая записала фамилию.

— Хорошо. При необходимости ее вызовут. А теперь объясните, почему вы не смогли воспользоваться другим транспортом.

Я рассказала.

О раненых.

О носилках.

О санитарях, отправленных искать повозки.

О том, как вечером начали падать первые снаряды.

Говорила спокойно.

Без попытки разжалобить.

Я уже убедилась, что слезы не способны заменить доказательства.

Женщина слушала внимательно.

Иногда уточняла время.

Несколько раз просила назвать фамилии.

Когда я закончила, она закрыла папку.

— В вашем деле имеются основания для дополнительной проверки. Однако нам потребуются военные журналы, сведения о движении транспорта и показания свидетелей.

— Я подала запрос в архив.

— Мы направим официальный запрос отдельно.

Я выдохнула.

Это было важнее, чем казалось.

Личный запрос могли рассматривать сколько угодно.

Запрос комиссии должен был попасть в дело и получить ответ по установленному порядку.

— Еще у меня есть сведения об одном из обозников, — сказала я. — Ян Лор. Он включен в список возвращающихся пленных.

— Когда ожидается его прибытие?

— Примерно через четыре недели. Точной даты пока нет.

Женщина снова сделала запись.

— Тогда разумно дождаться его показаний. Мы не станем назначать основное слушание до завершения первичного сбора доказательств, если не возникнет иных обстоятельств.

Я нахмурилась.

— Это может затянуться.

— Может.

Она посмотрела на меня поверх бумаг.

— Госпожа Ренн, я понимаю ваше нетерпение. Но если мы примем решение на основании неполных материалов, его будет легко оспорить. Вам нужен не быстрый ответ, а устойчивое решение.

Я помолчала.

— Да.

— По вопросу временного допуска к практике вам следует обратиться в гильдию. Мы можем подтвердить, что пересмотр дела принят к производству, но не вправе самостоятельно восстановить профессиональные права.

Я кивнула.

— Уже подготовила заявление.

— Хорошо.

Она протянула мне расписку.

На ней стояли номер дела, дата и печать.

Я смотрела на маленький отпечаток красного воска, словно на какую-то драгоценность.

Впервые за два года мое дело не просто существовало.

Его действительно начали проверять.

Когда я вышла на улицу, было холодно, но солнечно.

Я остановилась на ступенях комиссии и закрыла глаза.

Всего несколько дней назад мне казалось, что Ларден встретит меня одними воспоминаниями.

Теперь у меня появились документы, официальное подтверждение и живой свидетель, которого еще предстояло дожидаться.

Медленно, очень медленно прошлое начинало поддаваться.

В лечебнице меня встретили шумом и запахом свежего супа.

Берта стояла у стойки регистрации и спорила с пожилым мужчиной, который хотел выпить раньше времени.

— Я прекрасно себя чувствую! — возмущался тот.

— Тогда почему вы только что пытались надеть сапог на здоровую ногу и едва не упали?

— Потому что вы меня отвлекли!

— Разумеется. Ваша неуклюжесть всегда моя вина.

Я прошла мимо, стараясь не рассмеяться.

Берта заметила меня.

— Элина! Как все прошло?

— Приняли к дальнейшей проверке.

Она облегченно выдохнула.

— Наконец-то.

— Ждут архивы и свидетелей.

— Значит, ждать будем. А пока у нас работа.

Я сняла плащ.

— Какая?

Берта протянула мне стопку листов.

— Завтра в совете будут обсуждать подготовку к весеннему разливу. Я должна представить список пациентов, которых нельзя эвакуировать самостоятельно. Поможешь разобраться?

Я удивленно подняла брови.

— Уже готовятся к разливу?

— Еще бы. После прошлого года никому не хочется снова вытаскивать стариков из окон.

Ларден стоял на реке, которая весной становилась опасной.

Основная часть города находилась на возвышенности. Но нижние кварталы, старые склады и несколько улиц возле воды периодически затапливало.

В прежние годы паводки редко приносили серьезные беды.

Потом война повредила защитные насыпи.

Часть людей уехала.

Многие дома оставались без ремонта.

— Насколько все плохо? — спросила я.

— Пока ничего не случилось. Но каменные укрепления у нижнего моста в плохом состоянии. Городские инженеры предупреждают, что при сильном таянии воды будет больше обычного.

Я взяла список.

Семнадцать имен.

Пожилые пациенты, лежащие больные, люди с тяжелыми последствиями ранений.

Я села за стол.

— Это только ваши?

— Да. Другие лечебницы готовят свои сведения.

Я начала читать.

У каждого имени стояли возраст, адрес и краткое описание состояния.

Некоторых я знала.

Остальные были незнакомы.

— Вы хотите просто подать список? — спросила я.

— Совет просил указать количество людей, которым потребуется транспорт.

Я покачала головой.

— Этого мало.

Берта посмотрела на меня.

— Почему?

— Потому что «нужен транспорт» ничего не говорит о том, какой именно. Этого пациента нельзя посадить в обычную повозку. Ему нужны носилки и место, где он сможет лежать. А вот эту женщину можно перевезти сидя, если кто-нибудь поможет ей подняться.

Берта наклонилась над листом.

— Продолжай.

— И еще нужно знать, кто будет сопровождать. Здесь трое пациентов, которым нельзя надолго прерывать уход. Мы должны заранее определить, кто поедет с ними и где их примут.

Она задумалась.

— Верно.

Я взяла чистую бумагу.

— Сделаем отдельную таблицу. Кто способен идти, кто может сидеть, кому нужны носилки. Плюс адреса и ближайшие безопасные места.

Берта неожиданно улыбнулась.

— Вот теперь я узнаю свою Элину.

— Что?

— Ты еще ни одного пациента не вылечила, а уже пытаешься устроить всем жизнь.

Я фыркнула.

— Кто-то должен.

— Я и говорю.

Мы работали до ужина.

Составляли списки, сверяли назначения, подсчитывали количество носилок.

Лисса помогала переписывать адреса.

Когда закончился последний лист, она откинулась на спинку стула.

— Если завтра начнется разлив, мы хотя бы будем знать, кого первыми вытаскивать.

— Завтра не начнется, — сказала Берта. — Сейчас только конец зимы.

— Вы так уверены?

— Нет. Поэтому и готовимся.

Я посмотрела на готовую таблицу.

Передо мной лежала обычная бумага.

С именами.

Возрастами.

Адресами.

Без магии и героических подвигов.

Но я знала, насколько многое иногда зависит от такого листа.

Два года назад нам тоже обещали подготовить транспорт.

И я слишком хорошо помнила, чем это закончилось.

На следующий день я снова оказалась в городском совете.

На этот раз вместе с Бертой.

Совещание проходило в большом зале на втором этаже. За длинным столом сидели представители лечебниц, городские инженеры, чиновник из казначейства и несколько военных.

Я узнала Конрада еще до того, как он повернулся.

Он стоял возле окна и разговаривал с пожилым мужчиной в сером сюртуке.

На столе перед ними лежала карта города.

Конрад заметил нас, коротко кивнул и вернулся к разговору.

Я была благодарна ему за то, что он не подошел.

Берта выбрала места на другом конце стола.

— Не смотри на него так, — шепнула она.

— Как?

— Будто мысленно выбираешь, куда воткнуть нож.

— Я ничего не выбираю.

— Тогда почему постоянно поглядываешь?

Я отвернулась.

— Проверяю, не приближается ли.

Берта хмыкнула.

Совещание началось с доклада инженера.

Он подробно объяснил, какие участки защитной насыпи требуют ремонта.

Некоторые каменные укрепления были повреждены еще во время отступления армии. Деревянные подпорки возле нижних складов сгнили. У старого моста образовалась трещина, через которую при подъеме воды могло размывать часть дороги.

— Если паводок будет обычным, мы справимся, — заключил инженер. — Если сильным, придется перекрывать нижнюю улицу и выводить людей заранее.

Представитель казначейства поморщился.

— У нас нет денег на полную перестройку укреплений.

— Я и не прошу полную, — ответил инженер. — Нужны хотя бы временные подпорки и укрепление самых слабых мест.

— Сколько?

Он назвал сумму.

Чиновник закашлялся.

Я переглянулась с Бертой.

Похоже, городская казна переживала не лучшие времена.

Затем перешли к вопросу эвакуации жителей.

Берта представила наш список.

— В одной только моей лечебнице семнадцать человек, которым потребуется помощь при перемещении. Пятеро не смогут сидеть в повозке. Еще четверым нужен сопровождающий.

Председатель совещания нахмурился.

— Нам сообщили только об общем количестве.

— Поэтому мы принесли подробные сведения, — сказала Берта.

Она положила таблицу на стол.

Чиновник начал просматривать листы.

— Кто составлял?

— Моя помощница, Элина Ренн.

Несколько человек повернулись ко мне.

Я ощутила привычное напряжение.

Фамилия все еще вызывала интерес.

Но Берта даже не моргнула.

— Госпожа Ренн много работала с эвакуацией тяжелых больных, — добавила она. — Я попросила ее проверить наши расчеты.

Председатель кивнул.

— Что предлагаете?

Я выпрямилась.

— Сначала определить безопасные места, куда пациентов можно будет доставить без дополнительного переезда. Потом заранее закрепить транспорт за учреждениями. Не просто количество повозок, а конкретные маршруты и ответственных людей.

— Но пока неизвестно, будет ли разлив, — возразил чиновник из казначейства.

— Именно поэтому стоит подготовиться сейчас, — ответила я. — Когда вода поднимется, может оказаться поздно искать возчиков.

Мужчина недовольно поджал губы.

— Вы предлагаете оплачивать телеги, которые, возможно, не понадобятся?

Я задумалась.

— Нет. Можно заключить договоры с владельцами транспорта на случай необходимости. Оплачивать готовность и работу по факту. Но владельцы должны заранее знать, какие повозки выделяют и куда приезжают.

Конрад поднял голову.

— Это разумно.

Я посмотрела на него.

Он обращался не ко мне, а к председателю.

— Гарнизон может предоставить людей для погрузки и сопровождения, — продолжил он. — Но гражданский транспорт необходимо закрепить через совет. Иначе в последний момент возникнут споры о том, кто имеет право им распоряжаться.

Председатель сделал запись.

— Сколько людей вы можете выделить?

— Точное количество скажу после проверки караулов. Сегодня вечером подготовлю расчет.

— Хорошо.

Берта слегка толкнула меня локтем.

Я не обернулась.

Но поняла, что она хотела сказать.

Конрад не пытался выставить себя главным.

Не предлагал забрать все под военный контроль.

Он уточнял, кто за что отвечает.

Это было правильно.

И меня раздражало, что я это замечала.

Совещание продолжалось еще почти час.

Утвердили проверку нижних укреплений, назначили срок для подготовки транспортных договоров и решили провести повторную встречу после получения сведений от всех лечебниц.

Я слушала, записывала, иногда задавала вопросы.

Когда все закончилось, обнаружила, что почти не думала о Конраде.

Пожалуй, это было лучшим событием дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.